

УДК: 340. 113

Азми Дина Мамдуховна,
кандидат юридических наук,
доцент Московского института права,
советник Отдела законопроектных работ
Правительства Москвы,

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ: СИСТЕМНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация

Статья посвящена анализу значения юридических терминов в контексте решения вопросов о строевых рядах права и законодательства, системного юридического действия. Посредством различных примеров в работе демонстрируется идея о том, что нарушения требований юридической техники способны оказывать весьма существенное дестабилизирующее влияние на различные составляющие правовой системы, в том числе и на системное действие законодательного материала.

В настоящий период в российской правовой доктрине наблюдается значительное возрастание интереса к тематике системы права, особенно в контексте определения структурного ряда корреспондирующего явления. Это обусловлено тем, что многие проблемы соответствующей области до настоящего времени остаются или неясными, или весьма оспоримыми.

В контексте поиска оптимальных способа и формы упорядоченной градации нормативного правового материала, а также научных и практических данных о нем, актуальны для отечественного правоведения и дискуссии по вопросам о соотношении отраслевых конструкций права и законодательства. При этой исследовании (причем самого различного уровня) по поводу сочетания, сходств

и различий отраслей права с направлениями статутной (и иной нормативной юридической) регламентации, структуры самого законодательства, осуществляются фактически постоянно.

В данной связи стоит отметить, что свойственное отечественному правосознанию (и превалирующее в оном) отраслевое видение вопросов структуризации системы права, базирующееся на «провозглашении» двумя основными критериями распределения данных об общественных отношениях, подпадающих под юридическое воздействие предмет (содержание) и метод (форму) правового регулирования, не обеспечивает надлежащей ясности, четкости и последовательности в изучении, исследовании и «конструировании» правовой материи (разных секторов,

типов, срезов). Не полностью востребовано такое и юридической практикой, т.к. последняя склонна акцентировать внимание на структурной конструкции не права, а именно законодательства (писаного юридического материала).

Вместе с тем, наряду с примативностью отраслевого видения и интерпретации вопросов структурного строения правовой материи, в отечественном правоведении встречаются (хотя и не часто) и иные подходы к рассмотрению обозначенной проблематики.

Так, нельзя не признать доказательственных посылов и аргументов той научной платформы, которая указывает на неоднозначность, недостаточную «жизнеспособность» интересующих нас отраслевых конструкций права и (или) законодательства; в частности, обозначает то, что: «не является научно доказанным разграничение отрасли права как объективной категории и отрасли законодательства как производной от нее... Кодексы, другие федеральные законы не строятся по отраслевому признаку, поскольку ими регулируются различные по предмету и методу отношения. В то же время эти отношения нельзя фактически разделить на публичные и частные - речь идет об их органическом единстве... Отраслевое строение правовой системы России - это скорее дань научной традиции, чем объективная реальность... Невозможно провести четкую грань между отраслями права» [1, с. 50, 51]. Еще ранее схожие рассуждения по указанному предмету выражали некоторые другие юристы, ученые-правоведы [2, с. 94; 95-97; 107-113].

Здесь важно понимать, что негативный аспект заключается не в наличии правовой конструкции отрасли права как таковой,

а именно в ее догматизированном, абсолютизированном восприятии. Абстрактных конструкций в юриспруденции существует достаточно много, и зачастую их «креативирование» направлено на решение не только сугубо теоретических, но и практических (и даже прикладных) задач, иными словами - является обоснованным и оправданным. Но, предмет и метод правового регулирования постулируются в качестве объективных, заданных самой природой права факторов «распределения» юридико-регламентируемых общественных отношений по соответствующим блокам.

Негативность же в данном контексте усматривается в том, что на основании обозначенного постулирования специалисты различных направлений юриспруденции вступают между собой в фактически не имеющие конца споры о: наличии (отсутствии) того или иного областного нормативного правового подразделения; самостоятельности (не-самостоятельности), однородности (разнородности) содержания профильного воздействия; том, является ли некая совокупность социальных поведенческих актов достаточной (недостаточной) для констатации бытия правовой отрасли.

Вместе с тем, как представляется, рассматривая проблематику правового строения и его системного действия, производя системный анализ интересующего нас специального регулирования, нельзя не обратить определенного внимания на вопрос о юридической терминологии. Это обусловлено тем, что внутреннее упорядочение нормативной юридической материи и системное действие таковой не могут быть качественными в условиях отсутствия унифицированной легальной реализации и однообразного нормативного

оперирования юридическим понятийным аппаратом. Здесь мы имеем в виду не направления трактовки тех или иных слов и (или) определений (ибо дискуссионный аспект с позиций развития и совершенствования соответствующей области не может быть совершенно преодолен, по крайней мере, в социальной сфере), а о формальном (легально оформленном) признании за оными разного, иногда даже с принципиальных позиций, значения.

Нельзя забывать и о необходимости последовательного, адекватно отображающего смысл, употребления (причем, не только на нормотворческом, но и на юридико-реализационном уровне) «вводимых в сферу действия права» лексических конструкций. Это обусловлено тем, что в интересующем нас аспекте, особенно в «преломлении» к писаной ткани, мы, в первую очередь, «имеем» дело именно с текстом, а не с мыслью создателя (или реализатора) того или иного юридико-поведенческого правила.

Кроме того, необходимо помнить и о predeterminedной профильной логикой и самой правовой жизнью необходимости соблюдения направленного на недопущение пороков восприятия правовых текстов (а, следовательно, и изначальное ориентирование к следованию содержащимся в них предписаниям) юридико-технического требования о том, что специальные термины, по общему правилу, должны совпадать по своему смысловому значению с принятым, устоявшимся в каком-либо конкретно-историческом обществе, значением слов. При этом, само изложение юридических норм должно быть не всего-навсего профессиональным, но и общедоступным, простым, ясным и емким (т.е. «рассчитан-

ным» не только и не столько на профессиональных юристов, но и на всех иных адресатов юридических установлений).

Так, согласно емким указаниям Д.А. Керимова, основные правила законодательной техники могут быть представлены следующими требованиями: грамотность законодательного языка; логическая последовательность изложения нормативных предписаний; директивная и официальная стилистика статута; доступность, профессиональность и ясность текстового отражения законодательных установлений; отсутствие чрезмерного количества запрещающих положений (хотя, на «уголовное» законодательство данное требование не распространяется). Нельзя не согласиться и с тем, что отображенную в законодательных (и подзаконных) юридических документах правовую норму можно назвать логичной только в том случае, если она включает в себя ответы на вопросы о том: какое поведение предусматривается для адресатов (соответствующих субъектов права); при каких условиях это поведение может или должно иметь место быть; в чем заключаются юридические последствия, наступающие в отношении лиц, «претворяющих в жизнь» соответствующее правоповеденческое правило [3, с. 71-103].

С учетом сказанного небезынтесной представляется текущая легальная практика оперирования двумя созвучными, но различными по своему значению терминами: «патронаж» и «патронат». Первый из них, следуя Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть первая), представляет собою некую «форму заботы», легализованной вспомощательной деятельности, попечительства в отношении физического лица, которое, не утратив правосубъектности (пусть

даже только в одной из составляющих) все же, ввиду состояния здоровья, не способно самостоятельно осуществлять и защищать корреспондирующие субъективные права и исполнять юридические обязанности. В этом же значении термин патронаж отражен и в иных легальных актах, например, в Налоговом кодексе Российской Федерации (часть первая).

Кстати говоря, в данной связи следует отметить одну, как нам кажется, погрешность нормоотображающего текстового изложения. В ч. 1 ст. 41 названного Кодекса, речь идет, почему-то, только о невозможности исполнения, но не использования юридических обязанностей. Поскольку никаких обоснованных посылок для указанного сужения правореализационных возможностей не усматривается, то представляется необходимым констатировать именно юридико-техническую ошибку, а не умышленное ограничение смысловой нагрузки нормативного правового предписания.

Патронат в свою очередь, также относим к попечительству. Но, согласно СК РФ, реализуется он уже не в отношении совершеннолетних дееспособных лиц, а в отношении детей, оставшихся без попечения родителей. Оформляется же он посредством одноименного договора (о патронатной семье, патронатном воспитании, патронате).

Указанный пример, как мыслится, подлежит неоднозначной оценке. С одной стороны, он является позитивным, т.к. демонстрирует соблюдение требования лексической разграниченности различающихся по своему смысловому наполнению слов. Иными словами: множественности значения одного термина, способной привести к негативным правовым последствиям, в данном случае нет. С

другой стороны, с позиции восприятия юридических предписаний, четкость разграничения таковых также отсутствует: и не только ввиду созвучности терминов, но и по причине принадлежности каждого из них к родовому понятию «попечительство». На практике это часто приводит к пониманию (особенно свойственному лицам, не являющимися специалистами именно в семейной области) двух разных понятий в качестве одного и того же, а, следовательно, и к содержательно-словесной путанице их значений.

Обращаясь к другому примеру, отметим, что согласно ст. 48 ГК РФ обобщающим, в отношении всех юридических лиц, является термин «организация». Вместе с тем, некоторые специальные документы, иногда даже нормативного характера (не говоря уже о текущей юридической практике), оперируют в обозначенном выше значении словом предприятие, а не организация [4]. Это является ярким примером юридико-технического порока, т.к. согласно ч. 2 ст. 3 ГК иные акты, содержащие нормы гражданского права, должны названному нами федеральному закону соответствовать, в то время как таковой обозначает вторым из обозначенных терминов лишь унитарные (и, соответственно, их разновидность – казенные) предприятия.

Интересным образом обстоит ситуация и в отношении термина ссуда (и соответствующего договора), под которым, следуя действующему гражданскому законодательству, понимается безвозмездное пользование (соглашение об оном). Вместе с тем, в обыденном правовом сознании ссуду до сих пор часто трактуют как нечто тождественное или схожее с кредитным договором. Во всяком случае, не редко необоснованно говорят о получении таковой «в банке». Это, с одной

стороны, свидетельствует о необходимости проведения активной правопросветительской работы, но с другой, - о легализованном использовании термина не в том значении, в котором он привычен общественному сознанию.

В качестве еще одного примера, относящегося к отечественной гражданско-правовой области, укажем на то, что многие органы публичной власти в своих положениях фиксируют а-юридический факт, - а именно то, что они являются юридическими лицами [5, п. 1.4. приложения]. При этом, согласно все тому же ГК (ст. 124), Российская Федерация, ее субъекты, а также органы местного самоуправления юридическими лицами не являются. Они все лишь участвуют в хозяйственном обороте на тех же правах и при тех же обязанностях, что присущи юридическим лицам, т.е. действуют на основании предписаний, определяющих участие названных ранее субъектов, в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, не являясь таковыми в собственном смысле слова.

Обращаясь к правонарушительной юридической области, отметим, что весьма сомнительной представляется корректность изложения ст. 145 отечественного УК. При «действующем по умолчанию» буквальном толковании ее текста получается, что уголовная ответственность наступает только за незаконный отказ в приеме на работу или увольнение с женщин (ы) (при наличии указанных в самой статье и ее наименовании факторов), в то время как принципу равенства представителей *homo sapiens* разного пола, отраженному в ч. 3 ст. 19 Конституции, это не соответствует. Кроме того, согласно ст. 264 гл. 41 («Особенности

регулирования труда женщин, с семейными обязанностями») ТК РФ гарантии и льготы, предоставляемые женщинам в связи с материнством, относимы и к воспитывающим детей в отсутствие матери отцам, опекунам (попечителям) и несовершеннолетним.

Также, не ясно, почему, по каким критериям и (или) основаниям (факторам), под число уголовно-запрещенных здесь (в ст. 145 УК РФ) попадают только деяния в отношении лиц имеющих детей, а не ребенка. Особенно негативно формулировка обозначенной выше статьи отечественного «закона о преступлениях» оценивается в контексте запрета на реализацию в области уголовного права расширительного (распространительного) по своему объему толкования.

Интересный пример можно отметить и в сфере действия международных и конституционно-правовых норм. В них, а, следовательно, и в прочих правовых областях, устойчивое значение приобрело выражение «человек и гражданин». Вместе с тем, гражданство представляет собой устойчивую политико-правовую связь лица (человека, представителя рода *homo sapiens*) с государством, выражающуюся в их взаимных правах, обязанностях и ответственности, т.е. не любое лицо является гражданином (или подданным). В зависимости от устойчивости политико-правовой связи с какой-либо конкретной суверенной национальной организацией публичной политической власти индивидуальный субъект права может быть также или иностранным гражданином (или подданным) или же лицом без гражданства. Иными словами - в анализируемом выражении через соединительный союз «и» слова «человек» и «гражданин» недопустимо (со смысловых позиций) «поставлены» в качестве равных по

уровню обобщения, то время как первое из них включает себя второе в качестве подвида, как свою (не единственную) составляющую.

В качестве последней разновидности примеров полагаем необходимым обратить внимание на встречающееся в отечественной правовой системе определение понятия «система законодательства». Так, согласно ст. ст. 9 и 4 столичных законов «Устав города Москвы» и «О правовых актах города Москвы» (соответственно) система законодательства определяется как совокупность актов. В буквальном смысле получается, что внутреннее упорядочение содержания и формы не является обязательным признаком системы законодательства в столичном регионе. Это представляется не верным, т.к. простая суммативная совокупность не будет обеспечивать системного (упорядоченного, закономерного, константного) правового действия. Кроме того, необходимо указать здесь и на традиционно отмечаемую невозможность существования в социальной сфере простых суммативных систем (что особо значимо при учете того, что вообще далеко не все считают последние системами в собственном смысле слова).

Так, например, в теории систем принято отмечать, что объекты интересующего нас (т.е. системного) типа характеризуются наличием межкомпонентных связей и формированием в целостном явлении (системе) неких новых свойств, не присущих каждой из частей по отдельности. Именно связанность, цельность (целостность) и предопределенная таковыми структура (носящая устойчивый, относительно константный характер) являются отличительными признаками любой системы. В то же время суммативная, неоргани-

зованная совокупность «лишена системного характера» [6, с. 177]. Последнее обусловлено тем фактом, что, на основе философских данных структура права трактуется в качестве внутренней формы, в то время как в отношении системы законодательства допустима интерпретация в качестве формы внешней.

При этом содержание права отражается в первую очередь именно через структуру, т.е. внутреннюю форму: согласно специально-научным источникам, содержание, как мировоззренческая категория, «вбирает» в себя и состав компонентов (их комплекс, набор) и структуру оных. При этом «внутренняя форма» совпадает со «структурой», а «внешняя форма» («форма» как таковая) сопоставляется с ней опосредовано, через «содержание». «Внешняя форма» образует диалектическую пару (соотносится с «содержанием»), а «внутренняя форма», т.е. структура, диалектически соотносится с «составом» [7, с. 66].

Все указанное нами лишь подтверждает тот факт, что необходимость адекватного оперирования юридическими терминами обусловлена тем, что «если правовая система пронизана логикой права (да притом так, что она с предельной ясностью проявляется в системе законодательства), то правоприменительные органы подбирают нужную форму не на ощупь, путем многократного «примеривания», а действуют на подлинно научных основаниях. Логика права, гармоничное построение его структурных подразделений направляют правоприменительный процесс, предотвращают ошибки в квалификации дела, в толковании нормативных предписаний. Главное состоит в том, что регулирующие свойства структурных связей требуют,

чтобы при решении юридических дел... рассматривали эти связи в качестве такого же существенного элемента правовой ткани, как и сами юридические нормы» [8, с. 76].

В данной работе затронуты далеко не все, значимые с позиций корректного, надлежащего оперирования юридической терминологией, аспекты; и, тем более, приведена лишь незначительная часть заслуживающих внимания примеров (далеко не всегда негативного толка). Вместе с тем, даже изложенный материал позволяет продемонстрировать идеи о том, что вопросы юридико-технического изложения правовых норм имеют не только сугубо теоретическое, но и огромное практическое значение, что ненадлежащее использование профильных терминов и иные нарушения требований специальной техники способны оказывать весьма существенное дестабилизирующее влияние на отечественную правовую систему (включая пороки ее строеотображающего ряда), причем и в нормосозидающем, и в правореализационном, и в правоспринимающем срезам.

Представляется, что отечественный позитивный правовой материал нуждается в тщательном секторном анализе и последующей корректировке, а создание новых правовых предписаний требует большей продуманности не только в идейном, но в выразительном, техническом аспектах. Особенно значимым в данном контексте представляется поддерживаемое нами предложение об унификации юридической терминологии, причем, не только по отраслевым направлениям, но и в рамках всего отечественного правового поля в целом.

Литература:

1. *Андреев В.К.* К разработке новой редакции ГК РФ // *Хозяйство и право.* - № 10. - 2008.
2. *Ямпольская Ц.А.* Материалы «круглого стола» журнала *Советское государство и право* // *Советское государство и право.* - № 6. - 1982; *Лившиц Р. З.* Система советского права и перспективы ее развития. «Круглый стол» журнала «Советское государство и право» // *Советское государство и право.* - № 6. - 1982; *Мозолин В. П.* Система российского права (доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 года) // *Государство и право.* - № 1. - 2003.
3. *Керимов Д. А.* Законодательная техника. Научно-методическое и учебное пособие. - М., 2000.
4. Постановление Правительства РФ от 21.11.2008 № 873 (ред. 17.10.2009) «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 10 июля 2008 г. № 1052» // *Собрание законодательства РФ.* - № 48. от 01.12.2008. - Ст. 5621.
5. Постановление Правительства Москвы от 04.03.2008 № 159-ПП «Об утверждении Положения о Департаменте внешнеэкономических и международных связей города Москвы» (ред. 10.11.2009) // *Вестник Мэра и Правительства Москвы.* - № 18 от 26.03.2008.
6. *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. - М., 1973.
7. *Азудов В.В.* Соотношение категорий «форма» и «структура» / *Философские науки.* - № 1. - 1970.
8. *Алексеев С.С.* Структура советского права. - М., 1975.